

Геннадий Кацов

«менестреляный воробей...»¹

Поэтическая книга Александра Габриэля «Чёт и вычет», шестая по счету в его библиографии, сочетает в себе несочетаемое (вычет) и находится одновременно в нескольких актуальных средах/мирах (чёт). Если провести аналогию с точными науками, то в физике это называется «корпускулярно-волновой дуализм», едва речь заходит о квантовой механике. В нашем случае речь не идет о многоплановости и многожанровости, полистилистике и полифонии, метафорике, физике и лирике в поэзии Габриэля. Вернее, так: это характерные, «коээрные» и узнаваемые ее черты, что еще до меня критиками и литературоведами отмечено, но поскольку мы здесь — о конкретной книге, то речь не только об этом.

Настоящий сборник — некий итог, избранное в масштабе четырех последних лет жизни. Они отмечены автором текстами, в которых высказаны не столько какие-то конкретные события, обстоятельства и вехи, сколько переживания, впечатления, мысли и настроения, им сопутствовавшие. Читая в фейсбуке регулярно выставляемые Габриэлем одиночные стихотворения, я воспринимал его нередко как поэта сатирического, даже юмористического. Однако, ознакомившись с корпусом его текстов одновременно, пришел к выводу, что автор скорее поэт трагический, а характерный сарказм — от осознания всей глубины трагедии, которую цивилизация сегодня переживает.

Александр Габриэль. Чёт и вычет: Стихотворения 2017—2021 гг. — М.: Изд-во «Формаслов», 2021.

¹ Из стихотворения А. Габриэля «Воробы и люди». В дальнейшем все приведенные цитаты — из сборника «Чёт и вычет».

Своё недокричав и недоколобродив, в азарте не успев нажать на тормоза, нестройная толпа голосовавших «против» разгромлена толпой голосовавших «за».

В названии — 2017—2021 годы, хотя последний еще длится. Александр Габриэль живет в США, в массачусетском Бостоне, с 1997 года. Если на виртуальную чашу весов положить предшествовавшие 2017-му двадцать лет, а на другую — последние четыре американских года, то еще неизвестно, какая чаша перевесит — по накалу страостей, поляризации социума и предчувствиям гражданской войны. Напомню, что 20 января 2017-го — день инаугурации 45-го президента, которого ненавидела половина Америки, а 20 января 2021-го — день инаугурации 46-го президента, кого не переносит вторая половина. Плюс нарастающее напряжение между этими датами.

Ни того президента, ни другого в книге «Чёт и вычет» вы не встретите. Но те или иные знаки исторической четырехлетки разбросаны по строчкам, а на реальных опасениях, летальных предчувствиях, парадоксах и вывижах настоящего времени, со всеми муками, которые они нам несут, эти строки настоящны.

Габриэль известен четкой позицией по части нынешних катастроф в США — пандемия, импичменты, расовые «мирные протесты» летом и ранней осенью 2020 года, — и он нередко выступает как политический и социальный аналитик на своей странице в фейсбуке. Так что все те беды, с которыми столкнулась страна (и он, ее гражданин-поэт) за эти четыре года, не могли не отразиться в его поэтических текстах — и в самом интонационном строе стихотворений, в их пессимистических, в основном, настроениях. И в их проблематике, с соответствующими

аллитеративными, напрягающими слух, не дающими расслабиться, рядами; и сплошь и рядом безальтернативными сюжетами.

И ты, и я — мы персонажи Босха
с его картины «Двадцать первый век».

Казалось бы, ничего необычного в этом нет — социальная лирика, высокого литературного градуса лирика гражданская, с определенным риском для пишущего впасть в пафос, которого автор избегает, ограждаясь где сарказмом, а где иронией, — кабы не важная биографическая справка: Александр Габриэль родился и до эмиграции больше тридцати лет прожил в Минске, столице Белорусской ССР — советской республики со всеми типичными для отношений союзных республик и Центра проблемами, взращенными политикой имперского превосходства метрополии в ее отношениях с «младшими братьями», включая проблему национальной идентификации, дискриминацию, неравноправие в презентации русскоязычной культуры и культур других народов и прочие «параколониалистские» практики. Москва и после распада империи считает это пространство зоной своих интересов.

Верь лишь тому, что скажет диктор
в «Новостях»,
пока для всех — от землепашца до бомонда —
идёт концерт ансамбля танца
на костях
ещё не втоптанного в землю генофонда.

Стихотворение называется — «Беларуси». Оказалось, опыт проживания в тех, советских, условиях помогает понять, что происходит сегодня в погрузившихся в политкорректность США, с их темой reparаций чернокожему населению, которое наравне с индейцами, коренными жителями, рассматривается сегодня как колонизированное. По логике либеральных кругов белые работогловцы и рабовладельцы и их потомки должны за это ответить. Белые — *должны*. История и настоящее, рассматриваемые через эту призму вины (если вернуться к сравнению с Россией — вины и коллективной ответственности всех русских перед народами бывшего СССР), предстают с непредставимым ранее искажением.

И смотрятся в небо набрякшие веки могил,
ответы потеряны в майской улыбчивой сини...
Прими же вину на себя, как в теракте — ИГИЛ
(закон заставляет сказать: запрещённый
в России).

Изтакой предпосылки сегодня прорастают и прочие цветы зла: ложные науки, вроде этноматематики; убого-бульгарные взгляды на справедливость и равноправие; унижающие журналистику фейк-ньюс; однобокость при подходе к первой поправке к Конституции США; попытки обвинить, унизить большинство, навязав ему чувство вины по отношению к безупречным меньшинствам... Ощущение конца здравомыслия, формальной логики, света — один из основных мотивов этой книги Габриэля.

Слово будет в конце — и бесстрастно уйдет
в тишину,
открывая страницу в науке апокалингвистике.

Для поэта-лирика немалый риск — отход в сторону внешних, казалось бы, малых и больших трагедий, но весь поэтический строй книги «Чёт и вычет» убеждает, что эти темы могут быть интимными, если не сказать глубже — исповедальными.

Уже вполне вероятно, что нынешнее поколение американских людей будет жить при таком либерализме, что мало не покажется. Оснований так думать предостаточно, ведь история повторяется, и расклад сил в США напоминает бунт городов против системы феодальных отношений в Средневековье. И как в свое время в Англии «овцы съели людей» (у Габриэля: «И доподлинно известно: где когда-то жили люди — / игроки, фанаты квеста, подсудимые и судьи,/ солдафоны и толстовцы изливали жёлчь и душу — / там сегодня блеют овцы, доедая волчью тушу...»), так и в современной западной экономике крупные корпорации постепенно выигрывают конкуренцию у мелких бизнесов, а средний класс нищает с перспективой исчезнуть совсем. Все это сплетается в один клубок с пандемией, расовыми и гендерными проблемами, естественно, отцов-детей, бедных-богатых, умных-дураков и т.д. И если поэту удается все это объемно увидеть и осознать, поняв корень проблемы и пропустив ее через свои поэтические интуиции, то это — невероятная

удача как в личной творческой судьбе, так и для поэзии в целом.

Вот в твой город неспешно входит
тroyянский конь.
До чего интересно, что у него внутри.
Там гранаты ребристый бок, воронёный ствол,
там ночной цифровой прицел
и короткий век...
Оттого, что порой человек человеку волхв,
человек человеку —
часто —
не человек.

Для поэтики Александра Габриэля характерна масса исторических, бытовых и литературных аллюзий, всегда в непредсказуемых местах, наряду с центонностью, ненавязчивой и нередко скрытой. Каждая практически строчка — удивляющий, свежий образ, метафора. И при удачных, запоминающихся сентенциях-концовках стихотворений (похоже, это у Габриэля «фирменный знак»), не меньшие находки — их названия. А в книге еще и своеобразно поименованные главы, среди которых: «Цельсий и Фаренгейт» — что ожидаемо для человека, полжизни доверявшего температуре по Цельсию, а вторую половину — по Фаренгейту; «Радио Ностальжи» и «Взгляды на декады» — травелоги по собственному прошлому 1960-х, 70-х, 80-х, 90-х и прошлому страны, которой уже нет на карте; «Наполовину пуст» и «Наполовину полон» — интоационно мало чем, на мой взгляд, отличающиеся, разве что по типу известного парадокса: «Пессимист говорит: “Хуже быть не может!” А оптимист: “Может!”»

И много ль смысла — выходить в Икары,
чтоб крылья обломать о потолок?

Вообще же, игровое наполнение, формат игры есть основа и самого сборника, и конструктивного отношения к миру и слову его автора. Здесь можно наблюдать не только игры смыслами и подтекстами в онтологическом духе «Игры в бисер» Германа Гессе, но и главенство игрового принципа на всех трех семиотических уровнях, в той же мере, в какой игровой принцип распространяется на все сферы жизни, от философии до религиозных культов. Ведь игру можно определить как основополагающий

метод человеческой деятельности, и одна из гипотез говорит о происхождении поэзии из архаических словесных игр.

В знаменитом трактате «*Homo Ludens*» («Человек играющий») Хёзинга рассматривает игру как способ наиболее естественно раскрыть человеческую природу. А уж что более раскрывает ее, как не поэтическое вдохновение, по сути — наиболее рафинированная и подетски откровенная игра. Эта тяга к игре, к иррациональному теплу мира, к утробности, к утверждающей себя инфантильности, свойственная Георгию Иванову и типичная для В.В.Розанова и обэриутов, получила специфическое выражение в поэзии Александра Габриэля. И это то, что его опыт «стреляного воробья» выводит на уровень «менестрелянского».

«Сотворение мира» — проект,
неудачный весьма,
но свободен от всяческой критики
проектировщик.
Вот и жизнь получилась нелепой и беглой,
как росчерк,
как холмистая подпись в конце делового письма.

Читатель «Чёта и вычета» настолько увлекается игрой, что доходит до абсурда. Увидев название одного из стихотворений — «Капслок» (клавиша «Caps Lock» на клавиатуре компьютера), я вдруг попробовал прочитать его в зеркальном отображении. Справа-налево у меня получился вполне по-габриэлевски *колпак*, хотя смущала буква «с» посередине. В случае же с названием еще одного текста, сомнений не было никаких: «Абырвалг» — второе, кажется, слово, которое произносит очеловеченный герой булгаковского «Собачьего сердца». Еще будучи собакой, он в обратном порядке считывал вывеску «Главрыба», что, к слову, семиотик, литературовед Б.М.Гаспаров определяет, как библейскую аллюзию: «Чтение Шариком справа налево иронически намекает на семитское письмо; само же слово «рыба» является раннехристианским символом Христа¹. Чего больше в тексте Габриэля, если отталкиваться от названия: булгаковщины, библейского символизма, российского

¹ Гаспаров Б.М. «Новый Завет» в произведениях М. А. Булгакова. // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. — М.: Наука; Восточная литература РАН, 1994.

историзма либо американского нынешнего ситуационизма, судите сами:

Жизнь, по сути, как жизнь. Но сварганена слишком пресно.
Описать на бумаге — и скучно, мой друг,
и просто.
Не хватает безумного вуду из Порт-о-Пренса
и размашистых ярких рифмовок

из «Окон РОСТа».

Позабыв о проросшем в миндалины
чувстве меры,
по земле-кабаре словно Лайза б лететь,

Минелли.

И, придумав новейшую письменность,
как шумеры,
окончательно выйти из гоголевской «Шинели».

Выплывать изо всех берегов, изменяя русло,
чтоб спадала с души привычливость,
как короста.

Чтоб романы, которые пишешь,
затмили Пруста.

Чтоб поэмы, которые пишешь,
затмили Фроста.

Но покуда — взамен Грета Тунберг
и рэпер Хаски,

и потрёпанный бриг еле входит
в проливчик узкий...

До чего же ты, Оле-Лукойе, горазд на сказки!
Всё бы слушал тебя да пил,

обходясь без закуски.

Остаётся мечтать. И, по слухам —
весьма недолго:
не сулит ничего хорошего бабка Ванга...
И доносит легко свои тёмные воды Волга
до тебя, рядового сотрудника «Абырвалга».

Ещё одна аберрация: сотрудник «Абырвалга»,
в контексте книги Габриэля, волею
разыгравшегося воображения воспринимается
уже как работник Абырвалга. Почти незаметная
глазу перестановка букв — и читатель
оказывается в одном из лагерей ГУЛАГА.
Простите за капслок. И за столь мрачное
путешествие во времени.

Закрыв книгу Александра Габриэля, можно
только догадываться, кто в результате победит
в игре («чёт» или «вычет»), где, с одной
стороны, правила определяет поэт, а с другой —
в роли судьи выступает государство.

И самое отвратительное, если «победит
дружба».

Похоже, автор так не считает, поэтому в
завершающем книгу стихотворении «Музыка»
заключительные строки наводят на мысль
о лучшем:

И неважно, какой нынче день или год
и какое столетье, пока неустанно
поднимаются ввысь иероглифы нот
по причудливой лесенке нотного стана.

Александр Евсюков

Билингва любви и отчаяния

«Краешек этой нити зарыт здесь, детка. Куда бы они ни поехали, как бы ни запутались, все равно вернутся», — так утешает и напутствует свою загрустившую о родителях внучку дед на первой странице этой книги, в рассказе «Последний ремонт». Эти слова на-

писаны по-армянски, и эта нить фантомной боли проходит сквозь все дальнейшие истории, которые образно и увлеченно рассказывает нам молодая писательница, фотограф и переводчица Сати Овакимян.

«Последний ремонт» — страстное прощание с Арменией как со страной детства, сокровищницей родного языка, эпилог одной жизни и одновременно пролог следующей. Аллю-

Сати Овакимян. «Созвездие эмигранта»: сборник рассказов. — М.: Формаслов, 2020.